

ЦИКЛ «ЖЕНСКАЯ САГА»:

Обмануть судьбу

Искупление

Волчья ягода

Счастье со вкусом полыни

Ведьмины тропы

Рябиновый берег

Элеонора Гильм

ОБМАНУТЬ СУДЬБУ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г47

Редактор серии *Полина Корицкая*
Иллюстрация на переплете *Percival Liebe*

Гильм, Элеонора.
Г47   Обмануть судьбу / Элеонора Гильм. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-210998-0

Аксинья выросла в небольшой деревне недалеко от Соли Камской. Ее судьба была predetermined с детства, но в глубине души ей хотелось большой любви, как в сказках про Василису и Ивана-царевича. И эта любовь пришла — всепоглощающая и страстная, нарушающая суровые запреты отца и способная свернуть горы. Но принесет ли она счастье? Пришлый кузнец, которого полюбила Аксинья, — человек с двойным дном, с непростым прошлым и нутром зверя, который может сломать жизнь и себе, и другим...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гильм Э., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025
ISBN 978-5-04-210998-0

Посвящение

Маме — за вдохновение, ценные советы, без которых подобная дерзость была бы невозможна.

*Андрею — за твердую веру
в мою творческую звезду.*

*Папе — за звучный псевдоним и глубокий интерес
к истории русской деревни.*

Пролог

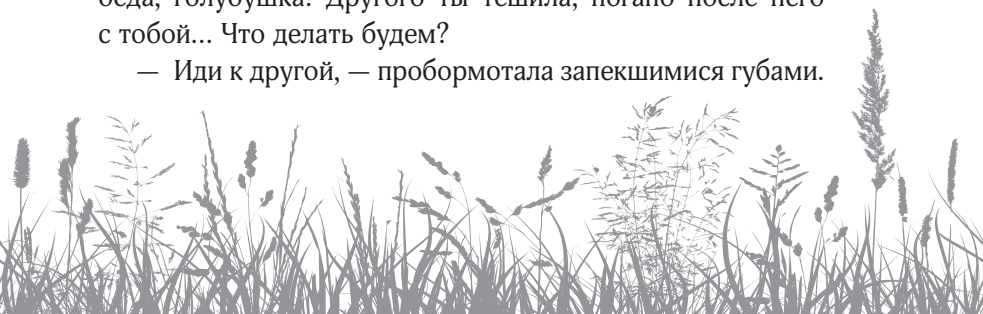
Он хлестал по склонившейся узкой спине, которую так любил гладить. Смотрел на покорный затылок, на выбившиеся волосы и становился еще беспощаднее. После первого удара жертва закричала. От боли перехватило дыхание. Она упала на колени и только подвывала, поняв, что муж быстро не успокоится.

«Забьет меня до смерти... и ладно», — подумала она, и спасительная темнота накрыла с головой. Рубаха превратилась в лохмотья и не прикрывала располосованную спину. Мучитель жалел жертву, удары были совсем слабыми — для острастки. Не хотел убивать — лишь наказывал за измену.

Когда она обмякла на полу, муж плеснул ей в лицо воды. Жертва заморгала, не понимая, что происходит. В один миг нахлынула резкая боль, она застонала.

— Рано еще стонешь, — усмехнулся муж. Свист плети, жалобы и крики разбудили в нем греховное, паскудное желание. — Это еще не все наказание. Как хорошая жена, должна ты ублажить мужа, коего долго дома не было. Одна беда, голубушка! Другого ты тешила, погано после него с тобой... Что делать будем?

— Иди к другой, — пробормотала запекшимися губами.

— Ишь чего удумала, не нужна другая. У меня жена есть, венчанная. — Сорвав остатки сарафана, он резким движениям поставил ее на колени, стащил свои портки и пронзил, будто копьем.

Безжалостно, резко, грубо овладевал той, что была его женой, мечтала стать матерью его детей. Испытывал особое удовольствие от унижения ее, от зверства своего. Громкий победный крик исторгло его горло, а жертва и стонать уже не могла, просто рыдала тихо, беззвучно.

— Оденься! И обмой своего мужа! — приказал мучитель.

Еле выпрямившись, она притащила лохань. Смочив ветошь, обтирала когда-то любимую мужнину плоть и не чувствовала ничего, кроме ненависти.

Скоро уставший муж захрапел. Жена ополоснула свою истерзанную плоть, исхитрилась помазать спину травяным настоем. Подошла к лавке и долго стояла, не отрывая глаз от мучителя. Взяла с поставца большой тяжелый нож, которым разделывала мясо.

Нож заманчиво оттянул руку. А она смотрела, как лезвие отражало слабый свет лучины, гладила дорогую косячную рукоять, будто желанного любовника.

КОНЕЦ
БЕЗМЯТЕЖНОСТИ

1. Вороновы

Истощный ор прокатился по единственной улице деревушки Еловой и пошел гулять над Усолкой — речкой, что устала от ледяных оков за долгую зиму.

— Что за галдеж? Совсем бабы сдурели. — Немолодой, но крепкий мужик возился в углу избы.

— Василий, схожу, любопытно.

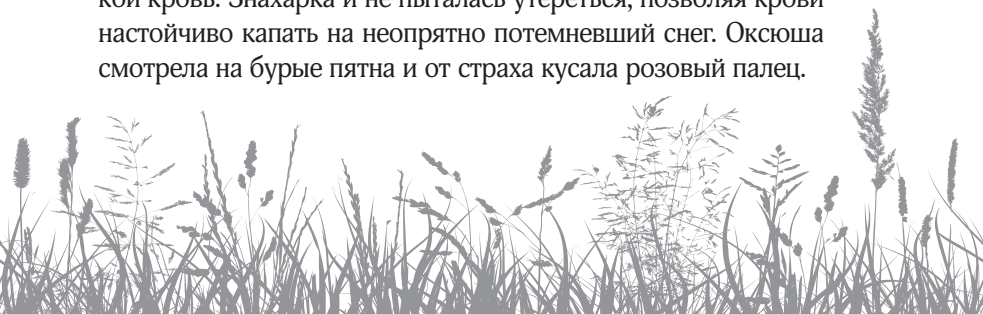
— Иди, Анна, коли заняться нечем.

— Оксюшка, ты со мной?

Наспех замотав девчущку в слишком просторный для нее, шестилетки, тулуп, накинув на свое пышногрудое тело теплую одежду, Анна, черноволосая баба лет сорока, вышла из избы.

Лед отливал богатой синевой. Ветер играл с ветками ивы, перебирал концы старого платка, шевелил выбившиеся пряди Оксюши, холодил маленький нос.

Несколько разгоряченных баб сгрудились на одном пятачке и кричали, перебивая друг друга. Анна с дочерью подошли поближе. Деревенская знахарка Гречанка, расхристанная, полураздетая, стояла, гордо подняв седую голову. Из фигурно вырезанных ноздрей породистого носа стекала тонкой струйкой кровь. Знахарка и не пыталась утереться, позволяя крови настойчиво капать на неопрятно потемневший снег. Оксюша смотрела на бурые пятна и от страха кусала розовый палец.

Худая, востроносая Гречанка появилась в деревне давно. Спустя два десятилетия еловские считали знахарку пришлой, чужой. Ее христианское имя Глафира в деревне не прижилось. Звали Ведьмой, Гречанкой. Бабы недолюбливали знахарку, но часто бегали за снадобьями от худого кашля, от поноса, от боли в спине. Поговаривали, что может ведьма избавить от паскудного бремени, наслать любовную сухоту, исцелить смертельно больного, выторговав жизнь его у нечистого.

Самая громкоголосая молодуха, носившая старое, почти забытое имя Еннафа, с ревом наступала на знахарку. Молодуха сжимала крупные костлявые кулаки, жаждала крови. Несколько дней назад она родила недоношенное дитя. Оно оказалось слишком слабым для брэнного мира, и Бог прибрал его к себе. Не желая смиряться с потерей первенца, Еннафа винила во всем проклятую ведьму.

Бабы теснили Глафиру к Усолке. В руках Маланьи, соседки Анны, появилась туго сплетенная веревка. Еловчанки решили проверить, знается ли Глафира с нечистой силой. Всем ведомо, если ведьму связать, она всплывет. Без помощи ее черти не оставят.

Гречанка отступала, голые посиневшие ноги проваливались в рыхлый снег. Она почти падала. Бабы, как собаки на охоте, гнали свою добычу. На черных сиротливых ветках собрались вороны и оглушительно орала, будто подзуживали лиходеек, подталкивали их к дурному делу.

Оксюша задрала голову:

— Они утопить хотят? Жалко...

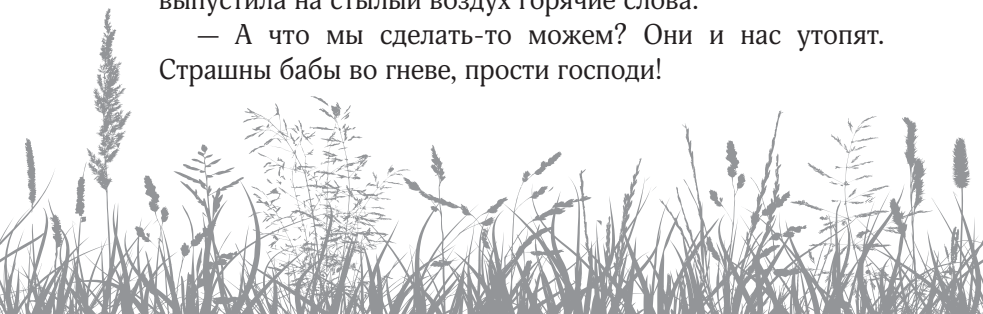
Возле реки скопилась порядочная для деревушки толпа.

Кто-то крикнул:

— Не утонет Гречанка. Ведьма ведь!

Мать наклонилась, отодвинула с дочкиного уха косынку, выпустила на стылый воздух горячие слова:

— А что мы сделать-то можем? Они и нас утопят. Страшны бабы во гневе, прости господи!

Сильная рука Еннафы схватила седые растрепанные волосы.

Только окунула она в холодную воду Гречанку, раздался гул:

— Топи ее, окаянную. Так ей и надо!

— Гречанка, иди в преисподнюю!

— Веревкой-то связывайте! Неумехи!

Уверенный голос разрезал толпу:

— Бабы, вы бы отпустили знахарку. Ничего плохого деревенским она не сделала.

Анна встрепенулась.

Кто еще не побоялся бы дурного бабьего племени? Жаркой гордостью обдало ее с ног до головы. Среднего роста, кряжистый, Василий был из тех мужиков, на которых держится земля русская. Всегда болел за правду и шел супротив толпы по настойчивому зову сердца.

— Прав он, непотребство затеяли. Еннафа, быстро домой, — худой, сгорбленный старик остановился рядом с Василием. Его повелению подчинились, казалось, даже вороны, они спешно взметнулись с деревьев и полетели на другой берег.

Рука молодки застыла. Посиневшая знахарка ловила ртом воздух. Со свекром спорить было бесполезно, Еннафе пришлось выпустить из рук добычу.

Гермоген был тих, по-стариковски нетороплив, но слово его не только в семье — во всей Еловой было непререкаемо. Не меньше двадцати лет он мирил ссорившихся, решал, за кем останутся лучшие заливные луга, следил за сбором посошного¹, церковной десятины, ямской и десятка других повинностей, возложенных властью на простого человека.

Народ быстро разбежался. Потеха закончилась. Гречанка выжала волосы, быстро покрывшиеся льдистой коркой.

---

¹ Посошное (обложение) — поземельный налог в России в XVI–XVII веках (здесь и далее примечания автора).

Взгляд ее остановился на Анне и Оксюше, которые молча стояли на берегу.

— Вот так-то, бабоньки. Сердце человеческое черствее прошлогоднего хлеба. — Сгорбившись, Гречанка пошла в свою избушку, кособоко примостившуюся на окраине деревушки. Казалось, ее узкие ступни не замечали холода.

Вслед Анна прошептала, не для дочки, для себя:

— Не со зла они...

Дома Оксюша разревелась. Огромные слезы катились из темных, чуть выпуклых глаз.

— Дочка, ты что это сырость развела? — отец склонился над крохой, забавной в своем детском горе.

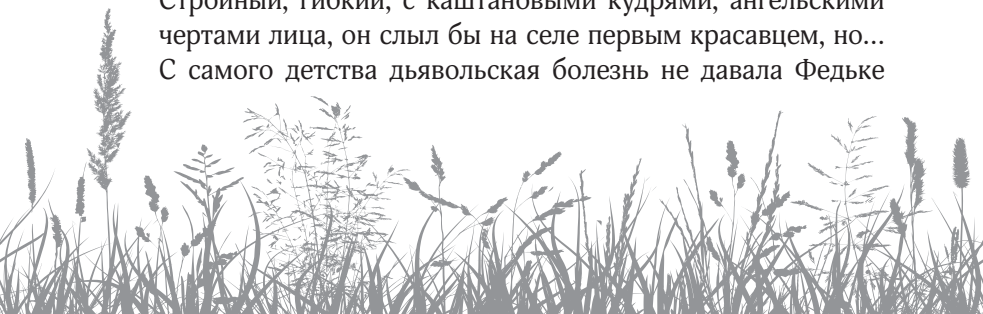
Анна с Василием долго утешали дочку, а она и сама толком рассказать не могла, что так расстроило. То ли бабы со страшными, перекошенными лицами, то ли судьба старой знахарки, то ли дыхание смерти. В этот день девчушка впервые ощутила, как страшен может быть мир, как ненависть делает пустыми глаза, как крючит пальцы, превращая их в смертоносные когти.

* * *

Оксюше повезло куда больше, чем многим ее ровесницам. Последыш в семье, она веревки вила из своих родителей. Появилась Оксюша у сорокалетней матери, которая детей заводить боле не намеревалась. Но природу не перехитришь. Дарья, Петухова жена, подначивала Анну:

— Настругал тебе Васька дите на старости лет. Ты стругалку-то его утихомирь, а то увлечется мужик. Еще парочку сварганит нахлебников.

Раздобревшей Анне помогал десятилетний Федор. Лишь он остался в избе из всего обширного выводка Вороновых. Стройный, гибкий, с каштановыми кудрями, ангельскими чертами лица, он слыл бы на селе первым красавцем, но... С самого детства дьявольская болезнь не давала Федьке

покою, падучая скручивала его, кидала наземь. На губах выступала пена, и рассудок надолго покидал горемычного. Сколько слез пролила мать над ним — не счесть.

Ничего мальцу не помогало, лет до десяти чуть не каждую седмицу случался приступ. Родители не знали: то ли молить Бога о выздоровлении, то ли просить, чтобы он ниспослал Феде милосердную смерть... Из-за приступов голова Федина работала иначе, чем у других, говорил он медленно, не мог додуматься до самых простых вещей. Сторонился чужих людей, все больше молчал, зато помогал отцу в гончарном деле, работал во дворе, ухаживал за скотиной и огородом — трудился за троих.

Гончарный промысел принес семье Вороновых небольшие накопления: уплатив подати, церковную десятину, тратя деньги на сырье и попутные надобности, они жили безбедно. Срубили новую избу-пятистенку с просторной светелкой. По обычаю родных мест Василий пристроил к глиняному телу печки деревянный короб — и плотный дым выходил из избы. Соседи долго смеялись над недотепой с Казани. В холодных землях расточительством было выпускать тепло на волю. Все топили печи по-черному. Русский человек привык вдыхать сажу, пачкать порты в копоти. За седмицу белая рубаха становилась грязно-серой. Год-другой, смешки поутихли, и по Еловой пошел обычай печи ставить «как у Васьки-Ворона».

К избе с правого бока прилепился сарай с гончарным кругом, малой печью и товарами для продажи. В четырех шагах хлев, гумно, куть с запасами. Лодка-долбленка, два жеребца, корова с теленком, свиньи да птица — вот все их справное хозяйство.

* * *

Аксинья, для родных Оксюша, подвижная, смышленная, с огоньком в очах, сновала по двору и избе, не столько помогая, сколько отвлекая взрослых своими вопросами:

